

С. А. ДРОБЫШЕВСКИЙ
Т. В. ПРОТОПОПОВА

**ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
В ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ
И ПРАВЕ**

Сергей Дробышевский

**Идея человеческого
достоинства в политико-
юридических доктринах и праве**

«Сибирский федеральный университет»

2009

УДК 347.1
ББК 67.404.021

Дробышевский С. А.

Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве / С. А. Дробышевский — «Сибирский федеральный университет», 2009

В монографии раскрыто многообразие трактовок феномена человеческого достоинства. Из них выделены теоретические представления, воплощение которых в политико-юридических доктринах и праве способно обеспечить самосохранение и прогресс государственной организации. Издание адресовано всем интересующимся политологией и юриспруденцией. Оно будет особенно полезно лицам, изучающим правоведение, а также работникам государственных органов.

УДК 347.1
ББК 67.404.021

© Дробышевский С. А., 2009
© Сибирский федеральный университет, 2009

Содержание

Введение	5
Раздел I. Теоретические воззрения на человеческое достоинство и их воплощение в праве в процессе исторического развития	7
Глава 1. Научные взгляды на достоинство личности и их юридическое закрепление с древнейших времен до нового времени	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

С. А. Дробышевский, Т. В. Протопопова

Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве

Введение

Предусмотренное Конституцией Российской Федерации правовое государство должно строиться на главенстве в его конструкции идеи человеческого достоинства, ибо это государство существует для человека, а не наоборот. Причем указанная идея призвана служить для обоснования необходимости предоставления российскому гражданину всей совокупности юридических прав и обязанностей, позволяющих ему вести как можно более совершенную собственную жизнь и иметь возможность наилучшим образом удовлетворять потребности своих сограждан.

Такое положение глубоко закономерно. Дело в том, что на языке субъективных юридических прав и обязанностей в праве излагается именно сформулированная обществоведением идея человеческого достоинства, соответствующая закономерностям функционирования государства, в котором право действует.

Однако содержание идеи человеческого достоинства и в условиях государственно организованного общества вообще и при функционировании правового государства в частности пока представляется современным ученым в значительной степени неясным. В результате отечественный законодатель подчас не в состоянии сформулировать в праве юридические нормы, позволяющие обеспечить надлежащим образом человеческое достоинство граждан, так как не имеет достаточно конкретизированного представления о том, что это достоинство представляет собой. И отмеченная ситуация отнюдь не способствует успешной работе по наделению российских граждан совокупностью юридических прав, необходимых этим лицам для успешной реализации своей деятельности в правовом государстве. Равным образом недостаточная теоретическая определенность содержания идеи человеческого достоинства затрудняет в России законодательную деятельность по возложению на субъектов права юридических обязанностей, необходимых для выполнения ими своего долга перед обществом. Подобные проблемы существуют и в других странах.

Вот почему необходимо активизировать усилия для такой конкретизации существующих теоретических представлений о человеческом достоинстве в отечественной и зарубежной науке, которая достаточна для преодоления указанных негативных моментов. Однако, разумеется, это можно сделать лишь на базе знаний о человеческом достоинстве, достигнутых мировым обществоведением к настоящему времени.

Начиная с древних времен, идея человеческого достоинства становилась предметом исследования классиков обществоведения, государствоведения и юридической науки прошлого. Так, к ней обращались Гомер, Конфуций, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий, Аристотель, Сенека, Фома Аквинский, Марсилиус Падуанский, Жианоццо Монетти, Пико делла Мирандола, Н. Макиавелли, Ж. Боден, М. Монтень, Т. Гоббс, Б. Спиноза, С. Пуфендорф, Д. Локк, Х. Томазий, Ш. Монтескье, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Бентам, И. Г. Фихте, Б. Констан, Г. Гегель, А. Токвиль, Д. С. Миль, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер, Ф. Ницше, Л. Дюги, Е. Эрлих, Р. Паунд. Немалое место исследование человеческого достоинства занимает в трудах видных российских правоведов второй половины XIX – начала XX в. Б. Н. Чичерина и П. И. Новгородцева.

Над проблемой отражения в праве идеи достоинства личности работали и современные отечественные ученые. Это С. С. Алексеев, А. В. Белявский, М. Л. Гаскарова, В. Г. Графский, И. А. Исаев, Л. О. Красавчикова, О. Э. Лейст, Е. А. Лукашева, Д. И. Луковская, М. Н. Малеина, О. В. Мартышин, Н. И. Матузов, А. В. Малько, И. Д. Мишина, В. С. Нерсесянц, И. Л. Петрухин, А. В. Поляков, Н. А. Придворов, З. В. Ромовская, И. Л. Честнов, В. Е. Чиркин, В. М. Шафиров и др.

Аналізу отражения категории человеческого достоинства в праве посвящены труды Н. А. Придворова. Речь идет о его монографии «Достоинство личности и социалистическое право», вышедшей в свет в 1977 г., и о главе «Достоинство человека как основа права и демократической государственности» в академическом трехтомном курсе общей теории государства и права, изданном в 2003 г. под редакцией М. Н. Марченко. Вместе с тем на сегодняшний день в российском правоведении отсутствуют общетеоретические монографические работы, которые рассматривают достоинство человека как идею, воплотившуюся в политико-юридических доктринах и праве на протяжении истории человечества.

Объектом исследования в монографии выступает развитие идеи человеческого достоинства в политико-юридических доктринах, а также ее отражение в праве, предметом же – теоретические воззрения на все это. Указанные феномены изучаются как в первобытных, так и в государственно организованных независимых политических обществах. Последний термин используется в понимании его, предложенном Д. Остином. Речь идет о человеческой общности, часть членов которой – подданные – «находится в привычном повиновении» остальной ее части – так называемому суверену. Последний – это индивид или коллектив, «никому привычно не подчиняющийся»¹.

¹ См. : Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М. : Норма, 2007. С. 187.

Раздел I. Теоретические воззрения на человеческое достоинство и их воплощение в праве в процессе исторического развития

Глава 1. Научные взгляды на достоинство личности и их юридическое закрепление с древнейших времен до нового времени

Идея достоинства человека как его ценности обязательно присутствует в любом человеческом коллективе. Каждый индивидуум хочет, чтобы его уважали. И эта человеческая претензия находит выражение в том, что коллективы людей рассматривают своих членов более или менее ценными или достойными для групп, где происходит оценка.

Однако следует признать, что в юридической науке нет единства мнений по этому вопросу. Так, И. Л. Петрухин считает, что в условиях первобытного общества вряд ли существовали такие ценности, как честь и достоинство личности². Указанная позиция представляется необоснованной. Нельзя согласиться и с такой точкой зрения: в условиях первобытнообщинного строя индивид еще не выделял себя из социального целого³.

Чувство собственного достоинства как осознание своей ценности имеется у человека уже в первобытном обществе, где, как известно, присутствовали право и политическая организация. Основой такого чувства у отдельного члена коллектива является участие в совместном труде ряда людей и уважение с их стороны к индивидам, проявившим ум, силу и храбрость в добывании средств жизни и в столкновениях с враждебными социальными группами⁴.

Для подтверждения сказанного обратимся к достижениям науки, вызывающей в последние годы растущий интерес у этнографов и юристов. Речь идет о развивающейся в России юридической антропологии⁵. Именно в исследованиях представителей этой науки имеется подтверждение существования идеи человеческого достоинства в первобытном обществе, например, об этом писал Ю. И. Семенов⁶.

При исследовании категории достоинства в первобытном обществе выявляется важная черта: неравнозначность ценности соплеменника и чужака⁷. Особенность воплощения категории человеческого достоинства в первобытном обществе – детерминация этого качества в зависимости от возраста и пола индивида. Наиболее уважали умелых и сильных мужчин зре-

² Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 90.

³ См.: Диденко Н. Г. Право и свобода // Правоведение. 2001. № 3. С. 15.

⁴ См.: Кожин П. М. Традиции в системе этноса // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 3.

⁵ См.: Дамирли М. А. Право и История: эпистемологические проблемы. Опыт комплексного исследования проблем предмета и структуры историко-правового познания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 242; Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991; он же: Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1995; Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов: пер. с фр.; отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999; Пучков О. А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999; Ковлер А. И. Юридическая антропология. М., 2002; Поцелуев Е. Л. Современное состояние теории государства и права. Кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 2. С. 159.

⁶ Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 5–6.

⁷ См.: Ковалевский М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб., 1913. С. 90.

лого возраста. Старики, женщины, дети и неумелые общинники считались менее ценными членами общества, это видно уже в локальных группах кочующих или низших охотников-собирателей.

При исследовании жизни последних ученые определили, что существовавшие уже тогда различия между людьми в мастерстве выполнения неодинаковых дел поднимали вопрос о достоинстве того или иного человека внутри локальных групп и в отношениях между последними. Изучение вопроса о роли харизматических лидеров локальных групп в первобытном обществе показывает, что таким лидером становился лучший по умению выполнять разнообразные дела среди равных ему семейных мужчин. Рядовые члены общины признавали за ним большее человеческое достоинство, чем их собственное, и, опираясь на свой авторитет, такой лидер руководил, действуя как катализатор в достижении группового единения⁸.

Можно констатировать, что в локальных группах низших охотников-собирателей лишь некоторые мужчины обладали знаниями и опытом, необходимыми для руководства общиной. Как правило, ими оказывались самые старые мужчины, которых издавна принято называть «старейшинами». Д. Ричиз отмечает, что, в частности, лидерство в изученных им общинах низших охотников-собирателей основано на способности некоторых членов сообщества осуществлять на постоянном уровне более высокой компетентности задачи, связанные с этой социальной деятельностью⁹. Описывая разновидности обменных операций австралийских аборигенов, Р. М. и К. Х. Берндты отмечали, что мужчина может пользоваться репутацией исключительного умельца в некоторых видах работ – в изготовлении лодок, украшений из перьев, гарпунов для охоты на дюгоней и черепах¹⁰.

Уже в общинах низших охотников-собирателей люди связывали понятие человеческого достоинства с неотчуждаемым личным правом на имя. Л. Д. Поспишил в своем фундаментальном труде «Антропология права», утверждая, что в первобытном обществе наказания «не физической» природы встречались гораздо чаще, чем предполагающие физическое воздействие на правонарушителя, приводит пример осознания индивидуумами разных степеней человеческого достоинства в праве на имя. Он пишет, что в некоторых локальных группах эскимосов нунамиут в качестве наказания за преступление правонарушителю могли дать унижающее имя. Если, скажем, человек крал каяк, то по решению совета старших мужчин локальной группы ее члены именовали преступника не иначе как «Каяк». Так что со временем его настоящее имя забывалось. «Каждый раз, когда использовалось унижающее имя, вору публичным и позорящим способом напоминалось о его преступлении»¹¹.

Научные исследования этнографов и правоведов неоспоримо доказывают, что существовавшие при первобытном строе социальные условия предполагали вопрос о достоинстве членов тогдашних политически организованных обществ и посторонних для таких структур индивидуумов и заставляли ценить первых больше, чем вторых¹². И все это воплощалось в праве. В то же время общение членов различных политически организованных обществ было немислимо и без уважения достоинства «чужаков», также отражавшегося в праве. Этот факт про-

⁸ См.: Файнберг Л. А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / под ред. Ю. В. Бромлея. М. : Наука, 1986. С. 220–222; Mac Neish J. H. Leadership among the Northern Athabascans // *Anthropologica*, 1956. № 2. С. 151; Graburn N. Eskimo Law in the Light of Self – and Group – Interest // *Law Society Review*. 1969. № 4. С. 52–59.

⁹ См.: Riches D. Northern Nomadic Hunter-Gatherers. A Humanistic Approach. London : Academic Press, 1982. P. 132, 136.

¹⁰ См.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первобытных австралийцев. М. : Наука, 1981. С. 93.

¹¹ Pospisil L. J. *Anthropology of Law. A Comparative Theory*. N. Y. etc.: Harper and Row, 1971. P. 95.

¹² См.: Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 141–147.

слеживается в юридических правилах войн, обращения с военнопленными, принятия чужака в свою общину и обмена брачными партнерами¹³.

Изучение специфики первобытного общества позволяет утверждать, что человеческое достоинство здесь проявляется в самоуважении личности и снискании ею уважения других людей. К тому же человеческое достоинство воплощается в определенных правах и обязанностях, в том числе юридических.

Из закреплённой в праве разницы в достоинстве отдельных категорий лиц в этом обществе вытекает вполне определённое человеческое поведение. Например, в первобытных политических организациях общества, включавших так называемых «больших людей», последние, широко практикуя полигинию, заставляли работать на себя не только своих многочисленных жен, но и их близких и дальних родственников. В вождествах после удачных набегов военным предводителям доставалась большая и лучшая часть добычи. При этом иногда обнаруживалось доминирование односторонних обязательств индивидов низшего статуса по отношению к индивидам высшего статуса¹⁴.

Различия в достоинстве между людьми не исчезли и при складывании первых государств. В этот период социальной трансформации присутствуют, в частности, попытки поэтического осмысления отличий в достоинстве между человеческими индивидуумами.

Так, по Гомеру, причитающаяся каждому (богу или человеку) по справедливости и обычаю честь обозначена словом «тима». У каждого (бога или героя) своя честь (тима) и, следовательно, свое индивидуальное правопритязание¹⁵.

Гесиод (VII в. до н. э.) в поэме «Теогония» указывает на признаки ценности политического лидера. Таковыми выступают ум, справедливость, способность обеспечить законность и мир. Отражение идеи человеческого достоинства можно проследить в описанных Гесиодом в поэме «Труды и дни» правилах примерной жизни в политически организованном обществе. Например, как на обязательный признак достойного человека здесь указывается на приверженность последнего труду. «Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно жизнь проживает»¹⁶. В этом произведении можно найти и призыв к уважению иноплеменников, и выявление связи между утратой достоинства (нечестивостью) правителей и тяжкими последствиями для народа. Гесиод заявляет, что «там..., где суд справедливый находят и житель туземный, и чужестранец, где правды никто никогда не преступит, процветают народы... И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод не посещают... Всякие блага у них в изобилии... Кто же в надменности злой и в делах нечестивых, ... тем воздаст по заслугам владыка – Кронид дальнорзоркий. ... Беды великие сводит им с неба: ... голод совместно с чумой». В таких случаях, отмечает Гесиод, «страдает целый народ за нечестье царей...»¹⁷.

По убеждению ряда ученых, в рассматриваемую эпоху закладываются идейно-теоретические предпосылки политических теорий индивидуализма и коллективизма. При этом под индивидуализмом понимается круг требований по устройству государства, предлагаемый, например, либеральной идеологией в лице таких ее представителей, как И. Бентам, Д. С.

¹³ См.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 260; Man the Hunter. Ed. by R. B. Lee, and I. De Vore – Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. P. 246; Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 91.

¹⁴ См.: Думанов Х. М., Першиц А. И. Мононорматика и начальное право (статья первая) // Государство и право. 2000. № 1. С. 102–103.

¹⁵ См.: История политических и правовых учений / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2001. С. 36–37. Гомеровский период (XI–IX вв. до н. э.) в полисном этапе истории Древней Греции характеризуется господством родоплеменных отношений, которые начинают распадаться к концу этого времени. Рассматриваемую социальную структуру можно отнести к типу, переходному к государству. В научной литературе этот период принято определять как военную демократию. См.: Всеобщая история государства и права / под ред. К. И. Батыра. М., 2001. С. 59–61.

¹⁶ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. М., 2007. С. 25.

¹⁷ Там же.

Милль, Г. Спенсер, Б. Н. Чичерин. Коллективизм же трактуется как система требований об устройстве государства, выдвигаемая, скажем, Платоном, Ж.-Ж. Руссо и сторонниками социалистических учений. Критерием такого разграничения является направленность государств прежде всего на реализацию либо общих задач, стоящих перед их населением, либо частных нужд отдельных индивидуумов и групп.

Согласно индивидуалистической доктрине, государство представляется органом, необходимым обществу для защиты субъективных юридических прав и свобод, которыми обладают его отдельные члены. В соответствии с коллективистскими учениями государство выступает как механизм ограничения индивидуальных волеизъявлений силой закона¹⁸.

Отмеченные теории включают идею человеческого достоинства. Однако она понимается в индивидуалистических учениях иначе, чем в коллективистских.

Правовое регулирование в древнейших государствах осуществлялось на основе учета этой идеи как в правотворчестве, так и при реализации права. Например, подобным образом обстояли дела в древних Египте, Месопотамии, Индии и Китае.

Авторы учебника «Философия права» под редакцией О. Г. Данильяна выделяли следующие характерные признаки древневосточной цивилизации. Во-первых, ее экономической базой выступает мелиоративное земледелие. При этом земля и вода находятся в собственности государства. Во-вторых, государственная власть строится на принципах централизации с развитой бюрократией, возглавляемой правителем (царем, императором). В-третьих, большинство населения проживает в более или менее замкнутых и разрозненных сельских общинах, находясь в полной зависимости от государства. В-четвертых, человек не выделяет себя из природы и общества¹⁹.

С такой позицией вряд ли можно согласиться. Прежде всего население никогда не может находиться в «полной» зависимости от государства. И в древневосточных государствах индивидуумы сохраняли определенную автономию, позволявшую проявлять достоинство.

Далее, необоснованно утверждение, что человек не выделял себя из природы и общества. Осознание человека как существа, обладающего достоинством, определенной самостоятельностью и автономией, приводит к выводу о неизбежности такого выделения.

В. Г. Графский, исследуя историю государства и права Древнего Египта, отмечает следующие характерные черты устройства египетского общества: сосредоточение власти в центре, определение центральной властью прав и обязанностей общественных групп, слабую гарантированность властью принципа собственности, преобладание произвола над законом²⁰. Перечисленные признаки явно свидетельствуют о том, что представления о человеческом достоинстве в этот период определяла преимущественно коллективистская идеология²¹. Более всего в древнеегипетском государстве ценилось достоинство фараона, далее иерархия значимости достоинства выглядела следующим образом: высшие вельможи, жрецы, стражи, воины, писцы,

¹⁸ См.: Луковская Д. И., Козлихин И. Ю. Право, государство, политика (к разработке современной концепции правового государства // Политико-правовое устройство реформируемой России: Планы и реальность. Вып. 3. СПб., 1995. С. 115; Ромашов Р. А. Античный полис как форма социального устройства и государственного правления // Правоведение. 1999. № 2. С. 30.

¹⁹ Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2006. С. 53.

²⁰ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М., 2003. С. 74–75.

²¹ См.: Тураев Б. А. История Древнего Востока : в 2 т. Л., 1936; Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права. Памятники и исследования. М., 1960; Жидков О. А. История государства и права Древнего Востока. М., 1963; Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973; Редер Д. Г. Законодательство в Древнем Египте // Культура Древнего Египта. М., 1986; Васильев А. М. Египет и египтяне. М., 1986; Ковтунович О. В. Вечный Египет. М., 1989; Монтэ Пьер. Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / пер. с фр. Ф. Мендельсона. М., 1989; Большаков А. О., Сушевский А. Г. Герой и его общество в Древнем Египте // Вестник древней истории. 1991. № 197/2; Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г. Мачинцев. СПб., 1993; История Востока : в 5 т. / отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999. Т. 1. Восток в древности; Тураев Б. А. Древний Египет. СПб., 2000; Древний Египет. Сказания. Притчи / пер. с др.-египет. И. С. Кацнельсона, Ф. Л. Мендельсона. М., 2000; Древнеегипетская «Книга мертвых». Слово Устремленного к Свету / сост., пер., предисл. и ком-мент. А. К. Шапошникова ; поэт. пер. И. Евсье. М., 2003; Зеленев Е. И. Египет. СПб., 2004.

контролеры. Все перечисленные входили в главные сословия, чье достоинство ценилось достаточно высоко. К второстепенным сословиям относились земледельцы, ремесленники, пастухи, торговцы, толмачи, корабельщики. Н. И. Ильинский обоснованно замечает, что положение знатного человека (а следовательно, и его достоинство. – С. Д., Т. П.) определялось тремя условиями: древностью рода, величиной землевладения, значением занимаемой должности²².

Единственный документ эпохи Среднего царства, составленный в виде поучения сыну (так называемое «Почтение Ахтоя»), утверждает, что деление людей на «низших» и «высших» установлено самим Богом и поэтому противиться такому положению нельзя и богопротивно. Имея в виду частые волнения, доходившие до крупных восстаний, автор другого древнеегипетского документа («Почтения гераклеопольского царя своему сыну Мери-ка-Ра») призывает относиться к бедным людям как к врагам царя. Здесь оправдывалось социальное неравенство, существование рабовладельческого строя. Об одном из крупнейших восстаний рабов и бедного простого народа против государства рассказывается в «Речении Ипувера». Восстание 1700 г. до н. э. завершилось успешно, но положение людей не изменилось²³.

Ряд исследователей в области истории Древнего Египта считали, что в этом государстве достоинство человека должным образом не оценивалось. Так, К. А. Неволин писал, что на всех иностранцев египтяне смотрели с презрением²⁴. Поэтому, мол, утверждал Ф. Ф. Мартенс, законы запрещали египтянам путешествовать, не допускали никаких иностранных обычаев в Египте, даже не признавали гостеприимства²⁵.

Однако анализ современной научной информации по рассматриваемому вопросу позволяет прийти совсем к другим выводам. Например, в 1272 г. до н. э. Древний Египет и Хеттское государство заключили мирный договор. Согласно этому акту перебежчиков выдавали другой стране при условии, что она обещала гуманное обращение с ними, их женами, близкими и неприкосновенность их имущества. Приводя эти сведения, О. В. Буткевич пишет, что пройдет не одно тысячелетие, когда данная норма международного права возродится в урезанном виде в европейской системе прав человека, по которой запрещается выдавать лицо (даже его государству) если индивидууму грозит в нем смертная казнь, пытки или бесчеловечное обращение²⁶.

Идея человеческого достоинства нашла свое отражение и в законодательстве Месопотамии²⁷. В частности, примеры признания неравного достоинства у разных классов людей можно обнаружить в законах царя Хаммурапи, правившего Вавилоном и объединенной Месопотамией (Вавилонией) в 1792–1750 гг. до н. э. Так, ст. 200 этого документа гласит: «Если (полноправный свободный. – С. Д., Т. П.) человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить ему зуб». В ст. 201 говорится: «Если он выбьет зуб у мушкенума (неполноправного свободного человека. – С. Д., Т. П.), то он должен отвесить 1/3 мины серебра». Статья 202 предусматривает, что «если человек ударит по щеке большего по положению, чем он сам, то должно в собрании ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи».

Последняя норма свидетельствует о значительной защите достоинства более знатного индивидуума. Кроме того, в ней следует обратить внимание на особенность наказания – публичность. В данном случае законодатель предусматривает особое, квалифицированное умале-

²² Ильинский Н. И. История государства и права зарубежных стран. М., 2003. С. 29–30.

²³ Там же.

²⁴ Неволин К. А. Полное собр. соч. Т. 11. СПб., 1857. С. 111; Цит. по: О. В. Буткевич. Международное право Древнего Египта // Государство и право. 2000. № 5. С. 82.

²⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 39.

²⁶ Буткевич О. В. Международное право Древнего Египта // Государство и право. 2000. № 5. С. 76.

²⁷ См.: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959; Редер Д. Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965; Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991; Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992; Крашенинникова Н. А. История права Востока. М., 1994.

ние достоинства провинившегося, которому должны будут прилюдно – в собрании – нанести телесные повреждения плетью.

Статья 203 предусматривает, что «если кто-либо из людей ударит по щеке кого-либо из людей, кто подобен ему, то он должен отвесить 1 мину серебра». Данная норма свидетельствует о признании за людьми с определенным социальным статусом равного человеческого достоинства. Следующая же статья говорит о явно неравной ценности достоинства полностью свободного и мушкенума (частично свободного). Она гласит: «если мушкенум ударит по щеке мушкенума, то он должен отвесить 10 сикелей серебра», что гораздо меньше, чем 1 мина.

Далее можно увидеть свидетельство еще более низкого оценивания достоинства индивидуума. В ст. 205 речь идет о наказании раба, предусмотренном за то же деяние. «Если раб человека ударит по щеке кого-либо из людей, то должно отрезать ему ухо»²⁸.

В праве Древней Индии также нашла отражение идея человеческого достоинства²⁹. Здесь различная ценность людей выразилась в сословно-кастовом делении. Согласно ему государственно организованное общество включает четыре группы населения. Так, по законам Ману в государстве выделялись брахманы, кшатрии, вайшии и шудры. При этом наибольшим достоинством обладал брахман (гл. 1, ст. 88). По главе 1 ст. 99 он, «появляясь на свет, занимает высочайшее место на земле как владыка всех созданных существ для охранения сокровищницы закона»³⁰. Наименьшее достоинство имел шудра, которому предписывалось лишь одно: беспрекословно служить трем высшим сословиям или варнам (глава 1, ст. 91).

Воплощение идеи человеческого достоинства можно увидеть в содержащейся в законах Ману характеристике добродетельных людей. Скажем, законодатель следующим образом описывает то, что достойно брахмана: его платье, речи и мысли должны соответствовать его возрасту, занятию, имущественному положению, священному знанию и семейству (ст. 18 главы IV); он должен ежедневно изучать науки (ст. 19 главы IV); размышлять о суетности желаний наслаждений (ст. 16 главы IV); обуздывать свои страсти религиозными подвигами (ст. 35 главы IV). Брахману следует быть настойчивым, кротким, терпеливым (ст. 246 главы IV). Он должен находить удовольствие в истине, послушании священному закону и чистоте; обуздывать свои речи, руки и чрево (ст. 175 главы IV).

Законодатель говорит и о том, что недостойно брахмана. Это прежде всего безбожие, ненависть, недостаток скромности, гордость, гнев, резкость, чрезмерная привязанность к наслаждениям, вступление в бесполезную вражду или спор, а также в дело, успех которого зависит от других, беззаконие, склонность сердца к несправедливости (ст. ст. 16, 137, 138, 139, 159, 163, 171, 172 главы IV).

Законы Ману предписывали брахману и иные элементы достойного образа жизни. Так, брахману следовало добывать средства к существованию без причинения вреда другим людям (ст. 2 главы IV). Каждый гость в его доме должен быть почтен, по мере возможности, сиденьем, пищей, постелью, питьем... (ст. 29 главы IV). Брахман не должен обижать ни тех, у кого недостаток в членах..., ни лишенных знания, ни пожилых, ни лишенных красоты или имущества, ни людей низкого происхождения (ст. 141 главы IV).

Законы Ману определяют и достоинство царя, являющегося кшатрием. Ему надлежит защищать весь мир, быть милостивым, доблестным. В царском гневе должна обитать смерть, но наказания он обязан налагать после обдумывания. Царю следует быть правдивым, мудрым,

²⁸ См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М.: Юристъ, 2002. С. 21.

²⁹ См.: Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955; Чаттопадхья Д. История индийской философии. М., 1966; Бонгард-Левин Г. М. Индия в эпоху Маурьев. М., 1973; Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация, философия, наука, религия. М., 1980; Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991.

³⁰ Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М.: Юристъ, 2002. С. 25–26.

поступать осмотрительно и понимать, как связаны между собой добродетель, удовольствие и богатство. Царь должен иметь хороших советников, но при этом сам быть чистым, верным слову, поступающим по правилам священного закона (ст. ст. 2, 3, 11, 19, 26, 31 главы VII).

Законодатель выделяет и качества, умаляющие достоинство царя. Речь идет об изнеженности, пристрастии, лукавстве, слабоумии, алчности, неопытности, привязанности к чувственным удовольствиям (ст. ст. 27, 30 главы VII). Причем это умаление в законах Ману названо бесчестием. Так, здесь сказано: при наказании тех, которые не заслуживают кары, и при прощении действительных преступников царь принимает на себя большое бесчестие и идет в ад (ст. 128 главы VII). Умалается достоинство царя и при притеснении своих подданных (ст. 111 главы VII)³¹.

Идея человеческого достоинства воплощалась и в древнекитайском праве³². Согласно нормам последнего высшую ступень социальной иерархии в Древнем Китае занимал царь (ван). Затем шли шанская рабовладельческая аристократия и жречество. Следующую ступень занимала рабовладельческая аристократия покоренных племен. В зависимости от близости к царю аристократы наделялись титулами, которые давали право на определенные привилегии³³. Основная масса простого народа в Древнем Китае не была однородной с сословной точки зрения. Различия между общественными слоями находили выражение в праве. «Благородные» противопоставлялись законом и традицией как «подлым» (бесправным рабам, крепостным, оброчным невольникам), так и «простонародью» (свободному крестьянству, ремесленникам)³⁴.

Древнекитайское государство в разные периоды своего существования проводило неодинаковую политику. В одни времена оно поддерживало индивидуалистические стремления к приумножению богатств у титулованной знати, ранжированного чиновничества, незнатных крупных землевладельцев и купцов. На других исторических этапах своего существования это государство поступало иначе. Так, когда рост крупного землевладения, сопровождаемый массовым обезземеливанием крестьян-общинников, начинал подтачивать основы существования податного крестьянства, катастрофическое сокращение числа налогоплательщиков вынуждало государство с помощью реформ, имевших преимущественно коллективистский характер, ограждать народные массы от разорения. Например, в 119 г. до н. э. ханский император Уди издал указ о конфискации у крупных землевладельцев (купцов и ростовщиков) частных земель и рабов. Им был введен большой налог на крупные состояния. Еще более радикальная попытка ограничить рост крупного землевладения была предпринята императором Ван Маном в 9 г. до н. э. Он попытался провести перераспределение земельного фонда. Вся земля была объявлена императорской собственностью, запрещалась ее купля-продажа. Однако этот запрет был снят под давлением его противников ровно через три года³⁵.

Охарактеризованные древнейшие государства в современной научной литературе весьма часто определяются как земледельческие или аграрные³⁶. К этому историческому типу госу-

³¹ См.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М.: Юристъ, 2002. С. 28–32, 39.

³² См.: Петров А. А. Очерк философии Китая // Китай. М. – Л., 1940; Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. – Л., 1950; Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957; Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960; Го Мо-жо. Философия Древнего Китая. М., 1961; Юань-Кэ Мифы Древнего Китая. М., 1965; Быков Ф. С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966; Взгляды сторонников сочетания конфуцианского и легистского подходов к закону // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и восточные цивилизации. М., 1999. С. 515–524.

³³ См.: Ильинский Н. И. История государства и права зарубежных стран. М., 2003. С. 109.

³⁴ См.: История государства и права зарубежных стран. Часть 1/ под ред. Н. П. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М.: 2001. С. 69–70.

³⁵ См.: Там же. С. 70.

³⁶ См.: Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск,

дарств, существовавшему со времени появления государственной организации вплоть до перехода человечества к индустриальной или промышленной цивилизации, относятся также государственно организованные общества Древней Греции и Древнего Рима.

В праве древнегреческих государств, республиканского и имперского Рима идея человеческого достоинства воплощалась не в меньшей степени, чем на Древнем Востоке. Первые свидетельства этого уже были отмечены, когда давалась характеристика идеи человеческого достоинства в работах Гесиода. Ведь он жил в одном из древнегреческих полисов.

В этих государственных организациях существовали разные политические порядки. Однако все такие устройства объединяло деление людей на свободных полноправных и неполноправных индивидуумов. К последним, в частности, относились в каждом полисе переселенцы из других подобных организаций, еще не получившие полноты гражданских прав. К тому же в каждом полисе имелись рабы, за которыми не признавалось вообще никакого человеческого достоинства.

В полисах имели место как в основном коллективистские, так и преимущественно индивидуалистические порядки. Классическим примером преимущественно индивидуалистической организации в Древней Греции выступает Афинское государство. Здесь между свободными людьми уживались крайности богатства и бедности, соперничали различные политические идеологии. Государство оставляло в распоряжении граждан очень значительную часть заработанных ими средств, которую они могли тратить в соответствии с их индивидуальными желаниями. Г. Еллинек отмечал, что афинское гражданское право, включавшее многочисленные институты, реализовывало указанную цель достаточно успешно³⁷.

Классическим примером в основном коллективистских порядков в Древней Греции выступает Спарта. В ней законодательством поддерживалось имущественное равенство всех граждан, а также их единомыслие. Очень большая часть средств этих лиц тратилась на общегосударственные программы, например, на обеспечение военного могущества государства. Здесь порицались граждане, которые выказывали желание пренебрегать общегосударственными программами в личных интересах.

Как афинские, так и спартанские порядки вызывали у других полисов стремление к подражанию. Поэтому вся Греция была разделена на два лагеря, между которыми шел спор о наилучшей организации государственной жизни. Аргументы в эту дискуссию обильно поступали из произведений великих древнегреческих мыслителей, и прежде всего из работ Платона и Аристотеля.

Представителем преимущественно коллективистской идеологии был Платон³⁸. В диалоге «Государство», он, рисуя картину идеального общественного строя, обосновывает неизбежность сотрудничества людей, желающих удовлетворить свои потребности. Действующим совместно для достижения своих целей индивидам необходимо государство, которое бы служило всем, а не какой-либо группе или части населения. При этом Платон считал необходимой иерархию сословий, но осуждал крайности бедности и богатства. Говоря об аристократии как о предпочтительной форме государства, Платон утверждал, что в таком сообществе властвовать должны самые лучшие, то есть достойные люди. Их он называл философами. Они по своей природе стремятся к овладению всеми видами знаний, существующих в государстве, а также способны к абстрактному мышлению. Благодаря перечисленным качествам философы понимают гораздо яснее, чем остальные люди, то, в чем заключается общее благо для всех граждан государства.

1995. С. 127–132.

³⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2003. Гл. 10.

³⁸ Так, Фридрих Ницше писал, что Платон развил идеи Сократа до уровня социалистических. См.: Горячева М. В. Критика Фридрихом Ницше генезиса и идеалов демократического государства // Правоведение. 2000. № 1. С. 249.

Как считал Платон, философам должны помогать проводить идеи общего блага в жизнь представители второго по достоинству сословия в государстве. Его Платон именовал воинами. Из членов этого сословия нужно комплектовать костяк всего государственного аппарата. Отличительной чертой воинов является беспрекословное подчинение философам. К тому же воины способны в высшей степени эффективно проводить в жизнь адресованные им распоряжения членов высшего сословия.

Наконец, Платон выделял еще и сословие граждан государства, обладавшее меньшим достоинством, чем воины. В эту социальную группу входят разнообразныe производители материальных благ, равно как и лица, выступающие посредниками в обменах такими ценностями. По Платону, членам данного сословия надлежит находиться под властью философов и воинов. В противном случае члены третьего сословия не могли бы надлежащим образом удовлетворять собственные потребности.

По мнению Платона, все формы государства, кроме аристократии, хуже ее. Дело в том, что только при аристократии власть принадлежит самым достойным людям. В результате этого государство способно процветать. При всякой другой форме государства этого не происходит. Так, правление олигархов приводит к усилению раскола на богатых и бедных. Народ запугивают и подавляют. В итоге указанной политики происходит государственный переворот и устанавливается демократия. Ее недостатками являются уравнивание людей разного достоинства, некомпетентность, пренебрежение к знанию, к заслугам; применение жребия при замещении государственных должностей³⁹.

Основатель политической науки Аристотель определял ее как науку о высшем благе человека и государства. Цель ее – благосостояние человека и полиса. В своих трудах Аристотель воплотил постулаты преимущественно индивидуалистической идеологии. Считая политическую организацию общества сферой распределяющей и уравнивающей справедливости, он предлагал для обеспечения справедливого распределения власти, почестей, прав и обязанностей учитывать вклад каждого в общее благо. Таковой Аристотель определял не только трагедии лица на общественные нужды, но и его участием в управлении и обладанием такими качествами, как образованность, интеллект, опыт⁴⁰. Иными словами, Аристотель считал, что самыми достойными членами человеческого общества являются образованные, умные и опытные люди.

Однако управлять государством, по Аристотелю, должны не только они. Вопреки теоретической позиции Платона, исключавшего наименее достойных граждан из участия в управлении государством, Аристотель придерживался другой точки зрения. Государство включает массу людей, не отличающихся резко какими-либо достоинствами, и немного людей, достойных руководства и способных к нему. Если всю власть отдать последним, то массы в государстве будут лишены почета и станут бедны, а вследствие этого «государство наполнится враждебными элементами»⁴¹. Если отдать всю власть массе, то руководство окажется некавалифицированным, что также нанесет ущерб государству. Лучше всего на руководящие должности рекомендовать способных людей, достойных руководить. А массе простых граждан предоставить право избирать правительственных лиц и контролировать их, но ни одного из них в

³⁹ См.: История политических учений / под ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 45–49.

⁴⁰ См.: История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 53–55; Кечекян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М. – Л., 1947; Нерсесянц В. С. Право и закон: Из истории правовых учений. М., 1983. С. 105–120; Разумович Н. Н. Политическая и правовая культура: идеи и институты Древней Греции. М., 1989. С. 204–220; Луковская Д. И. Философия и политика: взаимосвязь теории и практики (Древняя Греция). Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984; Кравцов Н. А. Учение Аристотеля о политике и праве // Правоведение. 2001. № 5. С. 250.

⁴¹ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М.: Норма, 2007. С. 44.

отдельности к власти не допускать. Люди без достоинства, полагал Аристотель, пусть имеют власть лишь как члены народа⁴².

Разнообразные представления о человеческом достоинстве, сформулированные древними греками, восприняли римляне. Эти воззрения отразились в двух основных направлениях древнеримской политической идеологии, имеющих греческое происхождение: стоицизме и эпикурействе. Объединяло их общее теоретическое положение. Оно заключалось в том, что достойная человека жизнь состоит из поступков, согласных с природой. Однако соответствие ей человеческого поведения эпикурейцы и стоики понимали по-разному.

Для римских стоиков достойная человека жизнь состоит в служении государству, понимаемому как сообщество индивидуумов. Человек должен приобрести профессию, завести семью, иметь детей и всячески стараться помочь своим согражданам наилучшим образом удовлетворять их потребности. Как писал Сенека, если ты сделал благо своему ближнему, то принес пользу самому себе, ибо интересы отдельного лица и государства в конечном счете совпадают. Из этого же убеждения исходил и Марк Аврелий Антонин. В частности, он призывал каждого государственного служащего, работающего с правонарушителями, убеждать их: причинив зло своему ближнему, человек вредит самому себе. Поэтому ради личного блага гражданин должен воздерживаться от совершения правонарушений.

Марк Туллий Цицерон, близкий по своим политическим убеждениям к римским стоикам, полагал, что государства – это объединения людей, связанные правом. С его точки зрения, «мы по природе своей склонны любить людей, а это и есть основа права», обеспечивающая единство и устойчивость существующих в человеческом обществе государств. Олицетворяющий же право закон представляет собой «решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего – природой».

По убеждению Марка Туллия Цицерона, именно с последней «сообразуются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных». Причем лучших людей «отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами, сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и доводит до полной силы установлениями и философскими учениями – дабы совесть не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления⁴³.

В суждениях Цицерона о законах можно выделить определение достоинства крупных социальных общностей. В частности, он рассматривал достойными честные и стойкие духом народы⁴⁴.

Действительно, так как каждый человек имеет достоинство, то можно говорить и о достоинстве человеческих коллективов, в которые люди входят. И среди них о достоинстве главного объединения, интересующего юристов, – государства. При этом чем больше в государстве достойных людей, тем выше достоинство самого государства.

С точки зрения эпикурейцев, достойная жизнь человека состоит в отстранении от государственной деятельности и занятии своими частными делами. Индивидууму не следует бороться с другими людьми за жизненные блага. Ему должно довольствоваться малым: немного еды, скромная одежда, кров над головой, защищающий от непогоды, наконец, дружба с аналогичным образом живущими людьми составляют в сумме все, что требуется для достойной жизни. При этом никогда не нужно откладывать радость от пользования такими скромными благами. В противном случае жизнь человеческая не имеет смысла. Что же касается

⁴² См.: Там же. С. 44–45.

⁴³ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. С. 62–63.

⁴⁴ См.: История политических учений / под общ. ред. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2002. С. 67–68.

общения с людьми, которые не являются друзьями, то от него надлежит воздерживаться независимо от того, в состоянии ты помочь этим лицам стать лучше или нет.

В классическом римском праве в основном отразились идеи стоиков. Имея в виду именно их представления о достойной жизни, римский юрист Ульпиан определял суть предписаний права Рима следующим образом: жить честно, не чинить вреда другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит⁴⁵. Не случайно, по верному замечанию В. Г. Ульянищева, индивидуализм не являлся принципом римского права⁴⁶.

Вот почему в Риме большую часть его истории самыми достойными считались люди стоического образа жизни, отличающиеся военной доблестью. Причем лучшей в государстве наградой за воинскую доблесть признавались даруемые народом почести достойным гражданам.

Как писал Полибий, в указанный период исторического развития в римском государстве увековечивали «славу граждан, совершивших что-либо достойное, а имена благодетелей отечества становились известными народу»⁴⁷. Тем самым молодежь поощряли «ко всевозможным испытаниям на благо государства для достижения славы, сопутствующей доблестным гражданам»⁴⁸.

Более того, в Риме ни один мужчина не мог занять государственную должность, не совершив до этого в рядах действующей армии десяти годичных походов⁴⁹. К тому же для римлян не было ничего постыднее, чем поддаться подкупу или обогащаться непристойными средствами. «Сколь высоко они ценили честное обогащение, столь же презирали стяжание недозволенными путями»⁵⁰.

В рассматриваемый исторический период в Риме человеческим достоинством считалась политическая и правовая активность⁵¹. И право предоставляло широкие возможности для ее проявления. В частности, свободный человек для достижения совокупности личных и государственных целей мог соединяться с себе подобными в четырех разнообразных видах корпораций. Если же эти организационные формы не подходили для проявляемой людьми активности, то они могли воспользоваться и предусмотренным римским правом объединением, не являющимся корпорацией⁵².

Из закрепленных в классическом римском праве стоических представлений вытекал существовавший здесь институт бесчестья. Предметом его выступали те виды поведения, которые рассматривались недостойными в соответствии со взглядами стоиков. Например, сюда относились позорная отставка солдата, проституция, ростовщичество и т. п.

В формально-правовом отношении упомянутое бесчестье оказывалось ограничением юридических прав того, кто ему подвергался. Индивидуум, характеризующийся как *turpitude*, устранялся из числа возможных свидетелей, от решения общественно-нравственных вопросов, из круга возможных опекунов, кандидатов в должностные лица. Признание лица *turpitude* выступало и вполне достаточным основанием для лишения этого человека прав наследства.

Законное бесчестье наступало в силу конкретного распоряжения юридической нормы. Оно могло быть непосредственным или опосредованным. Непосредственное законное бесче-

⁴⁵ См.: История политических и правовых учений. М.: Норма, 2001. С. 52.

⁴⁶ Ульянищев В. Г. О значении римского права и совершенствовании методологии его преподавания в современных условиях // Правоведение. 2000. № 1. С. 277–278.

⁴⁷ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. С. 54.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Так, Цицерон всемерно восхвалял политическую и правовую активность граждан и подчеркивал, что «при защите свободы граждан нет частных лиц». См.: История политических и правовых учений. М.: Норма, 2001. С. 52.

⁵² См.: Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 1996. С. 228–278; Любимов Ю. С. Квазисубъектное образование в гражданском праве // Правоведение. 2000. № 6. С. 103; Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М.: Норма, 2000. С. 201–202.

стве (*infamia juris immediata*) следовало в случае причастности индивидуума к образу жизни или поведению, осужденных законом. Оно не требовало никаких индивидуально-правовых постановлений. Опосредованное законное бесчестье наступало в качестве индивидуального акта по приговору суда вследствие совершения некоторых уголовных преступлений (как сопутствующее основному наказанию) или вследствие неисполнения ряда частноправовых обязательств (договоры поручения, товарищества, поклажи), а также обязанностей по опеке. Результатом бесчестья (вне зависимости от его конкретного вида) была потеря публичных прав на занятие почетных должностей, на место при играх или религиозных церемониях, а также ряда частных прав, например, наследственных. Умаление чести могло быть пожизненным или временным. В любом случае восстановление ее могло быть реализовано либо только тем же властным органом, который наложил в свое время бесчестье, либо верховной властью от имени римского народа. Причем восстановление чести могло происходить и в случае фактического бесчестья, когда верховная власть декларацией запрещала распространение впредь позорящих слухов и соответствующего им отношения к ходатайствующему о том лицу⁵³.

В эпоху упадка римского государства стоическая идеология в нем все в большей степени вытеснялась эпикурейскими воззрениями. По этой причине в поздней Римской империи именно эпикурейские представления о человеческом достоинстве были самыми влиятельными.

Естественно, что такое положение способствовало дальнейшему разложению государства, уже находящегося в кризисе. Ведь зачастую лучшие люди, руководствуясь идеями эпикурейцев, предпочитали воздерживаться от участия в государственных делах, предоставляя возможность активно действовать в политике посредственным индивидуумам.

Именно об этом периоде римской истории Аврелий Августин, оправдывая установление недемократических порядков в Риме, писал: «Если люди имеют чувство умеренности и ответственности и являются самыми внимательными стражами общего блага, то представляется правильным принятие нормы права, позволяющей им избирать своих собственных магистратов для управления государством. Но если с течением времени те же самые люди становятся настолько испорченными, что продают свои голоса и доверяют политическое управление подлецам и преступникам, то в этом случае необходимо лишить таких людей права выбора должностных лиц и передать его немногим добродетельным гражданам»⁵⁴.

Эту же эпоху характеризовал и римский историк Аммиан Марцеллин. Он высказывался таким образом: «Людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных... Немногие дома, славившиеся в прошлые времена вниманием к наукам, погружены теперь в забавы позорной праздности... Вместо философа приглашают певца, вместо оратора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек... Когда ввиду опасения нехватки продовольствия принимались меры к быстрому удалению из Рима всех чужеземцев, первым делом выслали представителей образованности и науки, хотя число их было незначительно; но были оставлены в городе... три тысячи танцовщиц со своими музыкантами...»⁵⁵ Иными словами, достойными людьми в период упадка римской империи во многих случаях считались бездельники, посвящавшие свои жизни разнообразным наслаждениям.

Как известно, предложенное Аврелием Августином лекарство не излечило римское государство от смертельной болезни. Она проявлялась в том, что достойным здесь считался образ жизни людей, не совместимый с самим существованием политически организованного общества. Ведь зачастую римляне эпохи упадка, как только что отмечалось, предпочитали безделье

⁵³ См.: Омельченко О. А. Римское право. М.: Остожье, 2000. С. 43, 45–46.

⁵⁴ Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. С. 69.

⁵⁵ Всеобщая история государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / под ред. К. И. Батыра. М.: Проспект, 2001. С. 98.

работе, отрешенность от государственных дел – активному участию в них, низкие развлечения – развитию ума и тела человека.

Поэтому римская история вскоре печально завершилась. Рим был завоеван народами менее испорченными, чем большинство его граждан.

В научной литературе нередко признают политические идеологии, существовавшие в древневосточных государствах, несопоставимыми с политическими идеологиями греко-римской античности. Например, утверждается, что правовое по своей сути миропонимание древневосточным государствам не свойственно⁵⁶.

Едва ли такое воззрение верно с теоретических позиций относительно права, принятых в данной работе. Здесь право понимается как совокупность приказов суверена в независимом политическом обществе. Последним же признается объединение упомянутого суверена и подданных.

Вот почему в предшествующем изложении о древневосточных государствах имеется в виду закрепление идеи человеческого достоинства именно в праве. Ведь в этих социальных организмах присутствуют как суверен и подданные, так и его приказы последним.

Античная идея человеческого достоинства была воспринята светскими и религиозными мыслителями средневековья. Речь идет о почти тысячелетней эпохе.

В ее ходе западноевропейские страны сначала опустились в своем развитии во многих случаях до примитивных вождей и даже независимых деревень. Но затем в рассматриваемом регионе вновь возникли земледельческие государства. Они в течение нескольких веков прогрессивного развития в конце концов достигли той эволюционной ступени, на которой находился греко-римский мир в момент его наибольшего рассвета.

Эту ступень специалисты обычно именуют эпохой Возрождения или Ренессанса. Она уже выходит за рамки эпохи Средневековья.

На содержание идеи человеческого достоинства в средневековое время оказали влияние многочисленные факторы. Из них главными являются экономический строй и классовые противоречия общества⁵⁷.

В современной научной литературе есть мнение, что переход западноевропейского общества к средневековью имел прогрессивное значение. Так что Средние века не были эпохой темноты и невежества⁵⁸. Едва ли это теоретическое положение верно. Ведя речь о начальном этапе средневековья в Западной Европе, можно говорить о явном регрессе. В самом деле, степень профессионального мастерства человеческих индивидуумов во многих областях их деятельности уменьшилась, были забыты некоторые научные открытия и технические изобретения античных времен. В результате люди в гораздо меньшей степени господствовали над окружа-

⁵⁶ См.: Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 5, 11.

⁵⁷ См. об этом: Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. СПб., 1999; Владимиров Г. В. О смысле одного средневекового наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 90–92; Hejdensztejna R. Dzieńje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 / Ksiąg XII. SPb., 1957. Т. 11. S 119; Лунев Ю. Ф. Проблема государственного устройства в Польше после прекращения династии Ягеллонов // Правоведение. 2000. № 4. С. 196–203. Особенностью средневекового сознания было преобладание устных форм заключения сделок. При этом сохранение верности своему слову было фактически равнозначно обеспечению достоинства. Даже слово простолудина считалось, как правило, надежным. Неверие же на слово рыцарю считалось для него смертельным оскорблением. Даже ключевой для феодальной эпохи договор о передаче феода оформлялся в большинстве случаев устно. Как правило, заключение такого договора производилось следующим образом. Сначала воин, получавший феодал, приносил сеньору клятву верности (оммаж). При этом рыцарь становился перед сеньором на одно колено и, вложив свои руки в руки сеньора, произносил слова клятвы. Сеньор вручал воину символ его власти над феодалом (меч светскому феодалу и жезл духовному). После этого договор считался заключенным. Подобным образом могли передаваться огромные территории с баснословными доходами. См.: Бражников М. Ю. К вопросу об отражении средневекового менталитета в нормах обычного средневекового права // Государство и право. 2002. № 10. С. 65–66.

⁵⁸ См.: Конрад Н. И. «Средние века» в исторической науке // Запад и Восток. М., 1966. С. 97. А. Я. Гуревич показал, что бытующее мнение о том, что Средние века были эпохой господства «кулачного права», где всё вершили не закон и обычай, а сила и произвол, односторонне. Это мнение возникло в период становления буржуазного права и сопровождавшей его критики права средневековья. См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 195.

ющей их природой, чем раньше. Скажем, урожайность зерновых культур в пределах Италии в период средневековья была значительно ниже, чем в эпоху рассвета древнеримского государства, и снова достигла уровня последнего указанного времени лишь в период Возрождения⁵⁹

⁵⁹ See: Jones E. L. Growth Recurring. Economic Change in World History. Oxford : Clarendon Press, 1988. Passim.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.